

ГЛАВА 1

Ducunt volentem fata, nolentem trahunt (лат. Желаящего судьба ведет, нежелающего тащит). Когда я только начинал свою блестящую врачебную карьеру, работая ассистентом главного хирурга и моего доброго наставника профессора Чарльза Берекли, который беспощадно драл меня и в хвост, и в гриву, дабы привить нужные навыки в этой крайне ответственной работе, то со мной приключился пренепреятнейший случай. Меня вдруг стали досаждают нестерпимые желудочные колики. Прескверная штука, а главное никогда не знаешь, когда тебя спополамит в очередной раз.

Чаще всего меня пополамило в присутствии профессора Берекли. Да меня вообще начало пополамить именно с первых дней нашего с ним совместного сотрудничества! До того хоть бы хны было. Могло, конечно, невзначай вытошнить от чрезмерного волнения, но чтобы пополамило... Никогда.

За глаза я считал причиной моего нездоровья профессора Берекли. Профессор

же Берекли в глаза утверждал, что всему виной мой чересчур богемный образ жизни. За глаза и в глаза я был с ним в том категорически не согласен. В общем, каждый из нас оставался при своем мнении, вот только моему несчастному желудку от того было ничем не легче. От одного вида профессора Берекли он настойчиво сжимался и извивался словно бешенная фурия на сковородке, а меня, соответственно, крючило в три погибели.

По настоятельным, довольно жестким требованиям доброго наставника, всезнающего профессора Чарльза Берекли, я принялся лечить спесивый желудок настойкой белладонны. От этой мерзопакостной дряни тот остервенело полыхал, взывая о благоразумии, однако профессор Берекли всякий раз пропускал мимо ушей наши совместные с желудком просьбы заменить сию жгучую белладонну на какое-либо более щадящее средство, желательно, с добавлением меда, а еще желательнее, на травяной отварчик, а ежели что, спирт я могу и в отдельности принять, коль того потребуется, например, в виде обезбаливающей опиумной настойки.

Debellare superbos (лат. Подавлять гордыню непокорных). К моим всевопрошающим просьбам профессор Берекли был сух и глух. Он вообще на дух не переносил, когда его врачебные предписания оспаривались своевольными больными. Он лишь тре-

бовал от меня все больше и больше увеличивать дозу убийственной белладонны, однако даже лошадиные дозы того чудо-средства совершенно не помогали.

Facile omnes, cum valemus, recta consilia aegrotis damus (лат. Когда мы здоровы, легко даем больным хорошие советы). В конце концов я решил пойти супротив воли признанного знатока хирургического поприща и своевольно отменил назначенное мне лекарство, перестав его просто принимать, но заверительно уверяя профессора Берекли, что продолжаю травиться четко по времени и в строго назначенных пропорциях.

Praemonitus, praemonitus (лат. Осведомлен – вооружен). Пособирав кой какую информацию о данном чудо-лекарстве, кое на самом деле являлось медленным ядом, я прознал, что по веяниям нынешней моды многие рисковые барышни закапывают белладонну в глаза, от чего зрачки их сильно расширяются, придавая взгляду особый чарующий блеск. Я существо нерасточительное и посему повременил выбрасывать сие убийственное зелье, а поддавшись жажде примера рисковых барышень, в порядке смелого эксперимента, решил попробовать белладонну по прямому назначению. Эффект превзошел все мои ожидания!

Oculi speculum animae (лат. Глаза – зеркало души). Впервые увидев обворожительный зеркальный блеск в моих невероятно

расширенных зрачках, профессор Берекли испуганно шарахнулся в сторону и перекрестился, хотя до этого момента был чистой воды атеист. Придя в себя, он категорически запретил мне лечиться белладонной, мгновенно заменив ее на ртутные таблетки.

Однако даже те, более ядовитые, не помогли решить проблем с упрямым желудком, который ни в какую не желал вести себя спокойно в присутствии доброго наставника и настойчиво требовал бежать со всех ног от этого надменного источника беспредельной жестокости.

Me quoque fata regunt (лат. Я тоже подчиняюсь року). И вот однажды меня скрутило так, что от нестерпимой рези я не то, что напрочь забыл внешний облик требуемых к подаче инструментиков, но и собственное имя, а упреки в адрес осла из ослов во веки веков не оказали никакого приободряющего эффектика.

Выбравшись вдоволь, едва не прирезав в усмерть оперируемого пациента, профессор Берекли резко закончил проводимую нами операцию собственноручным наложением швов. Наблюдая краем глаза из-под стола за той озлобленной штопкой, я пришел к выводу, что несмотря на высокую ученую степень, на практике профессор Берекли так себе. Да, кромсать-отсекать с лихвой умеет, вот только аккуратности в том ни на грош и зашивает сикось-накось.

По всей видимости, я сболтнул это вслух, а может профессор Беркли научился читать мои мысли, во всяком случае, его дальнейшее поведение выразилось откровенной грубостью по отношению к моей изящной утонченности. С остервением бросив иглодержатель в лоток, добрый наставник со всей силы швырнул меня вон из операционной и рявкнул скулить и помирать в клистирную. С одной стороны я несказанно обрадовался хоть какому-то щадящему лечению желудочных колик, с другой – несколько удивился столь радикальному повороту событий, но деваться было некуда.

Преодолевая нестерпимую боль, я побрел к то и дело распахиваемой дверке, возле которой толпилась приличная очередь подготавливаемых к завтрашним операциям. Скромненько пристроившись в самый конец, я принялся терпеливо ждать, с видом отъявленного мазохиста наслаждаясь творившимся у меня внутри. Возможно, я слишком бурно наслаждался. Возможно, мой визжаще-мученический вид вызвал сочувствие в сердцах предоперационных, но очень скоро меня пропустили на очистительную первым.

Слоаса тахита (*лат.* Великая клоака). Я робко заглянул в чадящие фекальным смрадом кафельные застенки и почтительно кивнул их одинокой обитательнице, под-